

ФИЛОЛОГИЧЕСКИЕ НАУКИ.
ЛИТЕРАТУРОВЕДЕНИЕ

УДК 821.111-3

ОСМЫСЛЕНИЕ ПРОБЛЕМЫ ИНАКОВОСТИ ФИЛИПОМ К. ДИКОМ:
ПОСТКОЛОНИАЛЬНЫЙ, АНТРОПОЛОГИЧЕСКИЙ И
ТЕОЛОГИЧЕСКИЙ АСПЕКТЫ

© Ольга Анцыферова

THE PROBLEM OF *OTHERNESS* IN PHILIP K. DICK'S FICTION:
POSTCOLONIAL, ANTHROPOLOGICAL AND THEOLOGICAL ASPECTS

Olga Antsyferova

The article puts forward a hypothesis that the focus on otherness is one of the most efficient and instrumental interpretation strategies in Philip K. Dick's fiction. As a metaphor for existential alienation, otherness is taken for an outside intrusion, challenging habitual values or assumptions and requiring a response. We introduce three main dimensions of Dick's reflection over otherness. (1) Contradistinction between human beings and hi-tech products they create (androids), the latter miming ordinary people in order to avoid extinction. The parallel is drawn between this case and the genre of a passing narrative, both raising the issue of hybridized subjects. (2) Alienation of a human to his own body and spirit, when the body allegedly becomes colonized by an alien entity (for this specific case the term "a humanoid xenomorph" is introduced). The relation of this topos, typical of the US culture in the 1950s', to the cold war political paranoia is brought into question. (3) Alienation from the God (or any Divine Supreme, or Superhuman) leads to god-seeking and crucial theological doubts. The article demonstrates that Dick's existential ambiguity, his doubts about the authenticity of the objective reality always accompany his reflections on the nature of the Divine Supreme whose role and place in a human's life remains a torturing enigma for him. Trying to figure out the true nature and true will of a Demiurge, Dick conscientiously mingles fantasies of interspace colonization with the essentials of the contemporary "consumption society" and stages the psychedelic cosmic mystery (or a post-apocalyptic narrative) "The Three Stigmata of Palmer Eldritch" (1964), wherein he makes his readers face the problem of a superhuman entity only to bring them to awareness of the sheer impossibility either to find a solution or to eschew this existential problem.

Keywords: Philip K. Dick, otherness, existential alienation, theological doubt, hybridity, psychedelics.

Исходная гипотеза статьи состоит в том, что категория инаковости может служить одной из ключевых интерпретационных стратегий для творчества американского фантаста Филипа К. Дика (1928–1982). Инаковость понимается как метафора экзистенциального отчуждения, принимающего образ некоего вторжения извне, ставящего под сомнение общепринятые представления, нормы и ценности и требующего обязательной ответной реакции. Рассматриваются три основных измерения инаковости, о которых рефлексировал Дик. (1) Противопоставленность человека созданием его собственных рук и интеллекта, мимикрирующим под обычных людей, – андроидам; проводятся параллели с *passing narrative*, что позволяет связать эти размышления Дика с постколониальным гибридным субъектом. (2) Отчуждение человека от самого себя, когда визуально не изменяющимся человеческим телом завладевают некие чуждые сущности, для обозначения которых вводится термин «гуманоидные ксеноморфы». В навязчивом присутствии этого сюжета в американской культуре 1950-х прослеживается социально-политическая подоплека «холодной войны». (3) Отчуждение от божественного сверхначала, которое оборачивается своеобразным богоискательством и кардинальным пересмотром теологических постулатов. Доказывается, что экзистенциальная неуверенность, сомнения в подлинности окружающей реальности для Дика были связаны с размышлениями о природе высшего начала, чья роль в жизни человека оставалась для него мучительной загадкой. Пытаясь угадать лик и волю демиурга, Дик сознательно смешивает фантазии о межпланетной колонизации с реалиями современного ему «общества потребления» и инсценирует психоделическую космическую мистерию «Три стигмата Палмера Элдрича» (1964), в ко-

торой ставит читателя перед проблемой сверхсущества затем только, чтобы продемонстрировать бесконечную множественность и психоделическую неопределенность ее возможных решений.

Ключевые слова: Филип К. Дик, инаковость, экзистенциальное отчуждение, богоискательство, андройды, гибридизированность, психоделика.

Проблема другого в самых различных ее ипостасях выдвинулась на первый план в эпоху постструктурализма и постмодернизма и с последних десятилетий XX века стала центральной для гуманитарных наук, так что один из американских литературоведов с полным правом писал еще в 1999 году: «The other is an overworked phrase» [Attridge, с. 21]. Дерек Аттридж так резюмирует смысловую неоднозначность термина другой: начиная с Гегеля вплоть до настоящего момента это слово означало некую объективную сущность, с которой сталкивается человеческое «Я», чаще всего – другое человеческое существо. Именно в этом смысле термин использует Эммануэль Левинас, для которого другой ассоциируется с библейским «ближним», хотя в конечном счете инаковость у Левинаса означает противопоставленность человеческого и божественного. В постколониальных исследованиях другой означает культуру колонизированной страны или ее народ с точки зрения метрополии. В контексте исследований культуры сексуальных меньшинств слово «другой» связывается с носителями нетрадиционной сексуальной ориентации. «Независимо от смысловых оттенков, во всех этих контекстах, другой подразумевает прежде всего некое вторжение извне, которое ставит под сомнение общепринятые представления, нормы и ценности и требует обязательной ответной реакции» [Там же, с. 23] (здесь и далее курсив наш. – О. А.). Для наших дальнейших рассуждений о Филипе К. Дике важны такие акценты в понимании инаковости, как вторжение извне, ставящее под сомнение привычные ценности и провоцирующее ответную реакцию. «Другой, понятый как внеположная по отношению к „Я“ объективная сущность, обладает инаковостью, потому что суть сознания другого, его этические требования ко мне находятся абсолютно вне сферы моего „Я“, абсолютно чужды мне и моему внутреннему опыту» [Анцыферова, 2002, с. 49]. В настоящее время все усложняющаяся гендерная и социополитическая ситуация проблематизирует подходы к определению самоидентичности и инаковости, «в связи с этим востребованными оказываются новые методологические подходы синтетического или гибридного свойства» [Анцыферова, 2016, с. 293]. Предлагаемый далее трехаспектный подход к анализу инаковости в творчестве Дика имеет

именно такую гибридизированную, мультидисциплинарную природу.

Исходная гипотеза данной статьи состоит в том, что применительно к наследию американского фантаста Филипа К. Дика (1928–1982) категория инаковости может служить одной из ключевых интерпретационных стратегий. Написанная в основном в 1950–60-х годах, проза Филипа К. Дика после его ухода из жизни в 1982 году только набирает популярность, во многом благодаря многочисленным экранизациям. Это находит выражение в громадных тиражах изданий и переводов, а также во все возрастающем количестве посвященных ему на Западе научных работ. Дик по праву считается писателем-провидцем (или фантастом-визионером). Его футурологические тексты завораживают своей художественной убедительностью, вещественностью и будоражат этическими парадоксами. Его фантастические миры – это порождения таланта, который, подобно Олдосу Хаксли, не чуждался экспериментов со средствами расширения сознания. Созданная в середине XX века, фантастика Дика предвосхитила многие острейшие проблемы третьего тысячелетия, которые только теперь предстают перед нами во всей своей пугающей масштабности и экзистенциальной неразрешимости.

Чтобы кратко резюмировать причины сегодняшней актуальности Дика, процитирую канадского литературного критика Нору Янг: «Легко понять, почему сюжеты (Филипа К. Дика. – О. А.) так будоражат нас. Мы живем в эпоху технологий, все более назойливо диктующих нам, кто мы такие и как должны себя вести. В обществе всепроникающего надзора наши действия отслеживаются видеокамерами, наши паспорта и удостоверения личности находятся под контролем компьютеров. Синтезируются все новые лекарства, модифицирующие наше настроение, интересы и память. Обычная пластическая хирургия приводит к тому, что многие люди в буквальном смысле перестают быть собой. Многие из нас творят множественные бестелесные версии самих себя, которые существуют независимо от нас в интернете» [Young].

Однако не только уникальному провидческому дару Дик обязан своей непреходящей популярностью. Как говорил он сам, «самая беспощадная боль не спускается к нам с другой

планеты, а поднимается из глубин нашего сердца» («The greatest pain does not come zooming down from a distant planet, but up from the depths of the heart») (цит. по: [Cook]). В созданных им постапокалиптических декорациях всегда теплится огонек человечности. Собственно, важнейшая тема нашего автора – человек и человечность в постиндустриальном мире, хрупкость человеческой идентичности, не выдерживающей бремени невиданных физических, психологических и социальных нагрузок.

Переживание инаковости, на мой взгляд, составляет главный нерв и мировоззренческую драму произведений Дика и предстает в самых разных и, как правило, трагических обликах: это прежде всего отчуждение человека от своей человеческой сущности, проблематизация человеческого в человеке, что, конечно же, предвосхищало в середине XX века современные весьма болезненные размышления о постгуманизме, о «наступлении новой эры, которую можно определить как транс- или постгуманистическую и характеризующуюся экспансией новых информационных технологий и появлением искусственного интеллекта» [Анцыферова, 2016, с. 295]. В этой статье мы рассмотрим три основных вида инаковости, о которых рефлексировал Дик:

(1) Противопоставленность человека созданиям его собственных рук и интеллекта, мимирирующих под обычных людей, – андроидам.

(2) Отчуждение человека от самого себя, когда визуально не изменяющимся телом человека завладевают некие чуждые сущности (назовем их гуманоидными ксеноморфами).

(3) Отчуждение от божественного сверхначала, которое оборачивается своеобразным богоискательством и кардинальным пересмотром теологических постулатов.

§1. Андроиды

Одной из важнейших проблем, поднимаемых Филипом К. Диком в знаменитом романе «Мечтают ли андроиды об электроовцах?» («Do Androids dream of Electric Sheep?») (1968) – это влияние высоких технологий на людей, проявляющееся в невозможности отличить человека от андроида. Данная техногенная коллизия позволяет писателю на новом цивилизационном витке заново поставить проблему онтологического и этического статуса человека.

Вместе с тем нельзя не отметить определенную историчность текста «Мечтают ли андроиды об электроовцах?»: размышляя о будущей колонизации космоса, Дик явно экстраполирует на нее историческое прошлое своей страны, проводя очевидные параллели между андроидом и

рабами. Постапокалиптический текст Дика повествует о мире после Финальной Всеобщей Войны, когда земля уже очень мало приспособлена для нормальной жизни и подавляющее большинство населения эмигрировало на колонизированный Марс. В книге говорится о том, как выживают на Земле оставшиеся там «ошметки» человечества. О колониях же мы узнаем лишь одно: землян соблазняли к переселению на Марс тем, что в их распоряжение там предоставят человекоподобных роботов – андроидов:

<...> наяву возрождает патриархальную идиллию южных штатов, какими были те до Гражданской войны! – вопил телевизор. – По прибытии на место вы получите – получите абсолютно бесплатно – гуманоидного робота, с равным успехом способного быть как вашим личным слугой, так и безотказным неутомимым работником <...> [Дик, 2017, с. 35].

Земля (точнее, территория вокруг Лос-Анджелеса в США) заселена теми, у кого не хватает денег на межпланетное путешествие, к ним можно отнести главного героя, охотника на андроидов (blade runner) Рика Декарда с его семьей, и «аномалов» (specials), которых признали непригодными для переселения на Марс из-за их невысокого интеллектуального уровня (Джон Изидор). Другими словами, Земля стала приютом для «нищих и убогих», чьим уделом, по Библии, должно бы быть Царствие Небесное. Однако наиболее человечные, способные к эмпатии герои Дика обречены жить в мире, которому постепенно суждено скрываться под слоем мусора и где ядерная пыль навсегда скрыла звезды (отсылка к столь любимому Диком Канту). Таким образом, и «недочеловеки», оставшиеся на земле, и андроиды, внешне ничем от людей не отличающиеся и сбежавшие на Землю из марсианских колоний, в равной степени обречены. Однако для Дика именно эти «нищие и убогие» занимают привилегированное место протагонистов его постапокалиптического нарратива.

Роль, которую играют андроиды в жизни людей, строго регламентирована законом: те, кто нелегально сбежал с Марса, преследуются и подлежат уничтожению. Все это очень напоминает судьбы рабов в США XIX века. В определенной степени повествование об андроидах вызывает отчетливые ассоциации с *passing narrative*. «Исторически жанр *passing narrative* в литературе США складывался как произведения на сюжет об афроамериканцах, которые, имея достаточно светлую кожу, выдавали себя за белых» [Анцыферова, 2013, с. 66]. Подобно таким светлокожим афроамериканцам, андроиды симулируют человеческие реакции, чтобы избежать уничтожения,

и единственное, что может гарантировать им выживание, – это успешно выдать себя за людей. Эта вынужденная и настойчивая мимикрия четко соотносит роман Дика с постколониальной теорией и постколониальным гибридным субъектом.

§2. Гуманоидный ксеноморф как выражение физиологического и духовного отчуждения

Филип К. Дик так определял главную тему своего творчества: «Кто настоящий человек, а кто только притворяется им?» [Calvin, с. 357]. И, конечно, речь здесь идет о вопрошании более широком и метафизическом, нежели о том, как отличить человека от андроида. Предоставим еще раз слово Дикю: «Притворство – вот тема, которая завораживает меня. Я уверен, что все можно подделать <...>. Многочисленные подделки смогут заставить нас поверить в то, во что они хотят нас заставить поверить <...>. Достаточно вам единожды приоткрыть свое сознание для фальши, и вот вы уже участник совершенно иной реальности. Это путешествие, из которого нет возврата» [Dick, 1992, с. 376].

Один из первых опубликованных рассказов Дика «Beyond Lies the Wub» (1952) затрагивал трансгрессию между человеческим и животным. Обычно считается, что у человека есть душа, а у животного ее нет. Декарт, как мы помним, «категорически настаивал на непреодолимой пропасти между человеком и животным, утверждая, что животные больше напоминают механические творения, недостойные нашего сочувствия, – в отличие от чувствующих и живущих полноценной жизнью существ, вроде нас самих... Обладая способностью к ощущениям, животные не могут испытывать боль как таковую. Вместо этого они просто реагируют на раздражитель, как если бы были машинами, только состоящими не из колес и других деталей, а сделанными из костей, мускулов, нервов, артерий, вен» [Vint, с. 112–113].

В рассказе Дика действие происходит на космическом корабле, возвращающемся с Марса на Землю. Наряду с аэронавтами на нем – скот, предназначенный для провианта, и в его составе – купленное у туземца-марсианина свиноподобное крупное существо, называемое *wub*. Начальника торговой экспедиции капитана Франко беспокоит излишняя тяжесть груза, но он разрешает погрузить ваба на борт, опасаясь возможного дефицита продовольствия. Уже в полете все понимают, что ваб – очень разумное существо, обладающее способностью к телепатии. Он, к примеру, хорошо осведомлен в мифологии, уместно поддерживает тему странствий Одиссея. Несмотря на все это, капитан Франко настаивает на

том, чтобы ваб был заколот и съеден. И вот, когда за обедом прежде не отличавшийся хорошими манерами капитан вдруг начинает извиняться за то, что прервал собеседника, и самым эрудированным образом продолжает недавние дискуссии на мифологические темы, всем становится очевидно, что съеденное существо завладело телом капитана: индивидуальность последнего исчезла вместе с телесной оболочкой ваба. Случай этакого каннибалистического метемпсихоза, или, если пользоваться более актуальным лексиконом, этакого гуманоидного ксеноморфа (вымышленный инопланетный вид, способный принимать человеческий облик). Понятно, что для автора человеческой душой наделен скорее Ваб, чем капитан. В примечаниях к этому рассказу Дик писал, что настоящий капитан Франко «смотрит на всех тварей чисто потребительски: они для него объекты, бездушные предметы, и он расплачивается за это полное отсутствие эмпатии самым роковым образом» [Dick, 1995, с. 106–107]. Человеческое и зоологическое оказалось взаимопроницаемым, понятие о гуманности релятивизируется, заменяясь человекоподобием.

Вообще говоря, сюжетный ход, когда телесными оболочками людей завладевают другие, чуждые сущности (мы введем для этого терминологическое обозначение «гуманоидные ксеноморфы»), стала для Дика одной из центральных, если не сказать – навязчивых идей. Так, героем раннего рассказа «A Father Thing» (1954) он сделал маленького мальчика, убежденного, что его отца подменила некая жуткая тварь. Самое точное сходство не может разубедить мальчика в подмене. И пока он ищет в гараже сожженные останки отца, в гостинной самозванец убеждает мать, что у их сына болезненно разыгралось воображение.

Эта идея была весьма популярна в 1950-е годы. Достаточно вспомнить, что практически в это же время вышел на экраны фильм режиссера Дона Сигела «Вторжение осквернителей тел» («Invasion of the Body Snatchers») (1955). Биограф Ф. К. Дика Эммануэль Каррэр отмечает: «То была эпоха „холодной войны“ и „охоты на ведьм“. Вся атмосфера США была пропитана двойным подозрением». С одной стороны, всех и каждого подозревали в симпатиях к коммунистам. «С другой стороны, американские граждане, не обязательно коммунисты, полагали, в свою очередь, что их соседи – переодетые полицейские, или, по меньшей мере, стукачи. Таким образом, злодеи из „Осквернителей тел“ и дюжины других подобных историй могли вполне оказаться как агентами Москвы, так и преследующими их агентами ФБР: намерения авторов значили в

этом случае гораздо меньше, нежели настрой публики» [Каррэр, с. 35]. Эта идея о социально-политической подоплеке такого продукта популярного сознания, как гуманоидные ксеноморфы, кажется нам весьма пронизательной и глубоко справедливой.

§3. Художник-ересиарх

Особое место в творчестве Дика занимает теологический аспект осмысления инаковости. Можно говорить о богоискательстве Дика или определять его как «художника-ересиарха» [Там же, с. 159]. Уже в зрелом возрасте Дик принял католичество и до конца жизни оставался практикующим католиком. Его драматические размышления о наличии высшего начала вдохновили не только роман «Мечтают ли андроиды об электроовцах?», где содержание религии мерсеризма становится одной из ключевых проблем, но и книги «Три стигмата Палмера Элдрича» («The Three Stigmata of Palmer Eldritch») (1964) и «Убик» («Ubik») (1969), а также написанный в соавторстве с Роджером Желязны постапокалиптический роман «Бог Гнева» («Deus Irae») (1976).

Религиозные поиски 1950–60-х гг. в США были тесно связаны с поисками новых средств расширения сознания, а порой инициировались ими. В 1960-х в Беркли (Калифорния), где тогда жил Дик, были очень популярны идеи Олдоса Хаксли, которые тот высказал в эссе «Двери восприятия» («The Doors of Perception») (1954), представляя мескалин как средство совершить небольшое путешествие во внутренний мир Будды или Экхардта [Там же, с. 94]. Последователи Хаксли в Лос-Анджелесе решили использовать ЛСД (препарат, изначально изобретенный швейцарским химиком Альбертом Хофманом в чисто медицинских целях, чтобы психиатры изнутри могли узнать, что такое безумие) для того, чтобы познать абсолютную Реальность. «Некоторые не замедлили обозначить ее самым древним из кодовых имен: БОГ» [Там же, с. 95].

Об отношении Дика к наркотикам нет однозначных сведений. Достоверно известно, однако, что «уже к началу 1960-х годов у него сложился своеобразный метод работы: после нескольких месяцев обдумывания новой книги следовали несколько недель или даже дней интенсивной работы над черновиком <...>. В этот период у Дика начала развиваться паранойя, которую иногда объясняют сочетанием психологического опыта и амфетаминов. Кроме того, Дик начал принимать антидепрессанты» [Kucukalic, с. 32–33].

В 1963 г., в не самый радостный период его жизни, Дик во время вечерней прогулки было

видение: «Вместо неба над ним было лицо: огромное, металлическое, страшное». Писателю навсегда запомнилось выражение этого лица – «невероятно безобразное, как если бы в нем сосредоточилось все мировое зло, в этом взгляде, который сочился из щелей, расположенных рядом с носом, или тем, что должно было быть носом» [Каррэр, с. 117]. Дик не сомневался: он увидел настоящую реальность, и теперь его задачей было выжить с этим знанием. Психоаналитик, к которому он обратился, заподозрил его в приеме галлюциногенов. Священник после исповеди сказал, что прихожанин встретил Сатану. Этот неоднократно описанный биографами случай очевидным образом свидетельствует, что экзистенциальная неуверенность, сомнения в подлинности окружающей реальности для Дика были связаны с размышлениями о природе высшего начала, чья роль в жизни человека оставалась для него мучительной загадкой. Пытаясь угадать лик и волю демиурга, Дик тесно переплетает реалии современного общества потребления с фантазиями о межпланетной колонизации и инсценирует своего рода космическую мистерию в одном из самых знаменитых своих романов «Три стигмата Палмера Элдрича» (1964).

В детстве Дик зачитывался рассказами Говарда Филиппа Лавкрафта (1890–1937), и именно у него он заимствовал его излюбленный эпитет *eldritch* – ‘сверхъестественно жуткий’. Именно так Дик нарекает предполагаемое высшее существо моделируемого им фантастического мира. Действие очередного футуристического нарратива происходит на Земле и в марсианских колониях, быт которых, в отличие от «Мечтают ли андроиды об электроовцах?», описывается здесь весьма фактурно. По доброй воле на пустынный Марс никто не эмигрирует, и, чтобы как-то примирить колонистов с безрадостной марсианской действительностью, их в изобилии снабжают эрзацем религиозного опиума, имеющего двусоставный и полуполюгальный характер. Переселенцам поставляют комплект под названием «Кукла Пэт с ее приятелем Уолтом» (прообразами этого комплекта служат, конечно же, Барби и Кен, победно завоевывавшие сердца потребителей в реальной Америке начала 1960-х). Комплекты «Куклы Пэт» являются одновременно прикрытием незаконной торговли наркотиками, на которую власти закрывают глаза. Корпорация одного из героев книги Лео Булери вместе с игрушками продает наркотик, синтезируемый из ганимедского лишайника. Этот препарат создает у колонистов иллюзию, что, покинув свои тела, они в реальности ведут роскошную и безмятежную жизнь, переселившись в оболочку одной из ку-

кол. Все их желания и мечты воплощаются в жизнь – вне морали и вне пределов. Сталкиваясь с тайной перемещения в тела идеальных Пэт и Уолта, колонисты разделились на «верующих» и «неверующих». Первые верили «*в чудо переселения душ, в этот почти священный момент, когда миниатюрные наборы начинали не просто напоминать Землю, но становились ею*». Для неверующих «*наборы были лишь символами мира, к которому они уже не принадлежали. Однако постепенно, один за другим, уверуют и они*» [Дик, 2018, с. 262]

Эта условно конструируемая и, как всегда у Дика, тревожная романная реальность еще более лишается основ благодаря активной роли, которую в ней начинает играть заглавное сверхсущество – Палмер Эдрич, один из землян, который десять лет назад отправился в другую космическую систему Проксиму, и больше о нем долгое время ничего не слышали, полагая его мертвым или зомби. Однако появляются свидетели возвращения Палмера Эдрича, которого теперь можно опознать по трем протезам: искусственной руке, сверкающим металлическим зубам и по маленьким щелям-бойницам вместо глаз, снабженным панорамными камерами. Из своего путешествия за пределы известных миров Эдрич привез новый наркотик, призванный заменить привычный лишайник. Эдрич его распространяет под рекламным лозунгом: «*Бог обещает вечную жизнь, а мы ее раздаем*».

«Новое сверхсущество» контролирует все иллюзорные миры, созданные новым наркотиком. Все они словно бы существуют у него в голове. Герои романа опознают Палмера Эдрича в самых разных обликах встречаемых ими людей. По словам одного из персонажей, Лео Рони,

<...> то, что здесь происходит – это не вторжение на Землю прокозов, существ из иной системы. Нас не атакуют стаи гуманоидных чудовищ. Нет. Это Палмер Эдрич, который присутствует всюду, разрастаясь как обезумевший сорняк. Существует ли какая-то критическая точка этого процесса, по достижении которой Эдрич лопнет как мыльный пузырь? [Там же, с. 428].

В постэдричевской реальности, таким образом, уже невозможно быть уверенным, что ты беседуешь с человеком, которого ты видишь перед собой: люди теряют и собственные идентичности – их вытесняет наркотик, синтезированный Палмером Эдричем. По интуиции еще одного героя, Барни Майерсона,

вот кто он и что он такое – Властелин миров. Мы их просто населяем, и он тоже может в них жить, если пожелает. Он может поставить все события с ног на

голову, внезапно объявиться, заставить действие идти так, как ему хочется. Он может даже стать любимым из нас. Всеми нами, если он этого пожелает. Бессмертный, вне времени и всех вместе взятых осколков других измерений... *он может даже существовать в мире, в котором он мертв*. Палмер Эдрич полетел на Проксиму человеком, а вернулся богом [Там же, с. 437].

В этой безнадежно текучей и постоянно трансформирующейся магме сознаний, где, кажется, не остается ничего определенного, кроме вездесущности Палмера Эдрича, Дик тем не менее оставляет место для некоторых сомнений в том, что это и есть бог. Они выражены, в частности, устами неохристианки Анны:

То, что проникло в Эдрича и с чем мы столкнулись, превосходит нас, и <...> мы не можем оценить или понять, чего оно хочет и к чему стремится; оно остается для нас таинственным и непонятным. Однако <...> то, что является к нам с пустыми, раскрытыми руками, не может быть Богом. Это существо, созданное кем-то еще более совершенным, так же, как и мы; Бог не был никем создан, и он ничему не удивляется [Там же, с. 464].

На последних страницах книги в космическом корабле, возвращающемся на Землю, Лео Рони, прошедший так называемую э-терапию, то есть проживший сто тысяч лет ускоренной эволюции, возможно, просто храбрится, а возможно, действительно чувствует в себе некие силы противостоять экспансии Палмера Эдрича:

Я в достаточной степени заглянул в будущее, чтобы никогда не сдаваться, даже если я буду единственным, кто не сдался, кто продолжает вести прежний, доэдричевский образ жизни. Ни на что иное, кроме веры в силу, которой я с самого начала обладаю, я не могу опереться, чтобы победить. Так что в некотором смысле это не я, это нечто внутри меня, до чего даже Палмер Эдрич не в состоянии добраться и поглотить, поскольку это не есть часть меня и не может быть мною утрачено. Я чувствую, как оно растет. Противостоять внешним, несущественным изменениям, таким, как рука, глаза и зубы, оно свободно от всех стигматов зла, которые Палмер Эдрич привез с Проксимы: отчуждения, отрыва от действительности и отчаяния [Там же, с. 478].

Рассмотренные выше примеры художественных рефлексий Филипа К. Дика, конечно, не исчерпывают проблемы инаковости в его творчестве во всей ее полноте. Однако три аспекта отчуждения, рассмотренные в данной статье, думается, достаточно убедительно показывают, что инаковость является ключевой мировоззренческой категорией его творчества. Своими корнями

она уходит в экзистенциальное отчуждение от окружающей действительности; именно она диктует поиски подлинной реальности в противовес навязываемым «обществом потребления» рекламным симулякрам; она получает обостренное, граничащее с психопатологией выражение благодаря уникальному визионерскому дару писателя, который создает причудливые альтернативные миры, резонирующие с самыми тревожными проблемами реального общества. Именно осмысление инаковости позволяет увидеть в Филиппе К. Дике «Шекспира научной фантастики» [Jameson, с. 345, 347] и оценить его страстное и безнадежное стремление пробиться через всякого рода фальшь к подлинному в человеке.

Список литературы

Анцыферова О. Ю. Культурный друг: парадигматические варианты (по материалам журнала PMLA за 1998–2000 гг.) // Национальная специфика произведений зарубежной литературы XIX–XX веков: Литературные связи. Типология. Интертекст. Ч. 2. Иваново, 2002. С. 48–57.

Анцыферова О. Ю. Проблема потаенной идентичности в афроамериканской литературе // Американцы в поисках идентичности: Сборник статей. М.: РГГУ, 2013. С. 63–73.

Анцыферова О. Ю. Quo vadunt studia Americana: Поиск нового или повторение пройденного? // Литература двух Америк. Историко-литературный журнал. 2016. № 1. С. 290–304.

Дик Ф. К. Мечтают ли андройды об электроовцах? / пер. с англ. М. А. Пчелинцева. М.: издательство «Э», 2017. 352 с.

Дик Ф. К. Три стигмата Палмера Элдрича / пер. с англ. К. Плешкова // Дик Ф. К. Свихнувшееся время: Избранное. М.: Эксмо, 2018. С. 221–480.

Каррэр Э. Филип Дик: Я жив, это вы умерли / пер. с франц. Е. Новожиловой. СПб: Амфора, 2008. 351 с.

Attridge D. Innovation, Literature, Ethics: Relating to the Other // PMLA (Publications of the Modern Language Association of America). 1999. Vol. 114. N 1. P. 20–31.

Calvin R. The French Dick: Villiers de l'Isle Adam, Philip K. Dick, and the Android // Extrapolation. Summer 2007. Vol. 48. N 2. P. 340–363.

Cook W. How Ridley Scott's sci-fi classic, Blade Runner, foresaw the way we live today // The Spectator; London (Mar 7, 2015). URL: <https://www.spectator.co.uk/2015/03/how-ridley-scott-sci-fi-classic-blade-runner-foresaw-the-way-we-live-today/> (дата обращения: 26.05.2019).

Dick Ph. D. The Collected stories of Philip K. Dick: In 5 v. Vol. 5. New York: Citadel Twilight, 1992. V. 5. The Eye of the Sybil. 395 p.

Dick Ph. K. The Shifting Realities of Philip K. Dick: Selected Literary and Philosophical Writings/ Ed. Lawrence Sutin. New York: Vintage, 1995. 384 p.

Jameson F. Archaeologies of the Future: The Desire Called Utopia and Other Science Fictions. London and New York: Verso, 2005. 431 p.

Kucukalic L. Philip K. Dick: Canonical Writer of the Digital Age. New York: Routledge, 2009. 178 p.

Vint S. Speciesism and Species Being in «Do Androids Dream of Electric Sheep?» // Mosaic. Vol. 40. No 1. March 2007. P. 111–126.

Young N. Views of the future from a long-dead writer // The Globe and Mail. Toronto (Ont.) 21 April, 2007. P. 13.

References

Antsyferova, O. Iu. (2002). *Kul'turnyi drugoi: paradigmatichekie varianty (po materialam zhurnala PMLA za 1998–2000 gg.)* [A Cultural Other: Paradigmatic Varieties (Review of PMLA Journal thematic articles (1998-2000))]. In: *Natsional'naiia spetsifika proizvedenii zarubezhnoi literatury XIX–XX vekov: Literaturnye sviazi. Tipologiya. Intertekst. Ch. 2*, pp. 48–57. Ivanovo: Ivanovo State University. (In Russian)

Antsyferova, O. Iu. (2013) *Problema potaennoi identichnosti v afroamerikanskoi literature* [The Problem of Hidden Identity in Afro-American Literature]. In: *Amerikantsy v poiskakh identichnosti: Sbornik statei*, pp. 63–73. Moscow, Russian State University for Humanities. (In Russian)

Antsyferova, O. Iu. (2016). *Quo vadunt studia Americana: Poisk novogo ili povtorenie proidennogo?* [Quo vadunt studia Americana: Looking for New Ways – or Looking Backward?] *Literatura dvukh Amerik. Istoriko-literaturnyi zhurnal*. No. 1, pp. 290–304. (In Russian)

Attridge, D. (1999). *Innovation, Literature, Ethics: Relating to the Other*. PMLA (Publications of the Modern Language Association of America). Vol. 114. No. 1, pp. 20–31. (In English)

Calvin, R. (2007). *The French Dick: Villiers de l'Isle Adam, Philip K. Dick, and the Android*. *Extrapolation*. Vol. 48. No. 2, pp. 340–363. (In English)

Carrere, E. (2008). *Philip Dick: Ia zhiv, eto vy umerli* [I Am Alive and You Are Dead. Philip K. Dick, 1928–1982]. Translated by E. Novozhilova. 351 p. Saint Petersburg, Amfora. (In Russian)

Cook, W. (2015). *How Ridley Scott's sci-fi classic, Blade Runner, foresaw the way we live today*. *The Spectator*; London (Mar 7, 2015). URL: <https://www.spectator.co.uk/2015/03/how-ridley-scott-sci-fi-classic-blade-runner-foresaw-the-way-we-live-today/> (accessed: 26.05.2019). (In English)

Dick, Ph. D. (1992). *The Collected Stories of Philip K. Dick: In 5 v. Vol. 5*. New York, Citadel Twilight. V. 5. The Eye of the Sybil. 395 p. (In English)

Dick, Ph. K. (1995). *The Shifting Realities of Philip K. Dick: Selected Literary and Philosophical Writings*. Ed. by Lawrence Sutin. 384 p. New York, Vintage. (In English)

Dick, Ph. K. (2017). *Do Androids Dream of Electric Sheep?* [Translated by M. A. Pchelintsev]. 352 p. Moscow, “E”. (In Russian)

Dick, Ph. K. (2018). *The Three Stigmata of Palmer Eldrich* [Tranlated by K. Pleshkov]. Pp. 221–480. Moscow, Eksmo. (In Russian)

Jameson, F. (2005). *Archaeologies of the Future: The Desire Called Utopia and Other Science Fictions*. 431 p. London and New York, Verso. (In English)

Kucukalic, L. (2009). *Philip K. Dick: Canonical Writer of the Digital Age*. 178 p. New York, Routledge. (In English)

Vint, S. (2007). *Speciesism and Species Being in “Do Androids Dream of Electric Sheep?”* Mosaic. Vol. 40. No 1, pp. 111–126. (In English)

Young, N. (2007). *Views of the Future from a Long-Dead Writer*. The Globe and Mail. Toronto (Ont.) 21 April, p.13. (In English)

The article was submitted on 27.05.2019

Поступила в редакцию 27.05.2019

Анцыферова Ольга Юрьевна,
доктор филологических наук,
профессор,
Санкт-Петербургский гуманитарный
университет,
192236, Россия, Санкт-Петербург,
Фучика, 15.
olga_antsyf@mail.ru

Antsyferova Olga Yurievna,
Doctor of Philology,
Professor,
Saint Petersburg University of Humanities,
15 Fuchika Str.,
Saint Petersburg, 192236, Russian Federation.
olga_antsyf@mail.ru